ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ЛИТЕРАТУРА. 2026–2027 уч. г.
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС
ЗАДАНИЯ

Задание 1 ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ. РАБОТА НАД ФОРМАМИ КОМИЧЕСКОГО

Комическое – одна из самых важных и сложных эстетических категорий в литературе. В основе комического лежит смеховое начало, которое связано с осознанием читателем несоответствия общепринятым нормам ситуации или персонажа. Предметом осмеяния может быть любой объект действительности, а формы комического бывают разные: юмор (смешное ради смешного), сатира (высмеивание тех или иных недостатков людей или общества), ирония (скрытая насмешка над кем-то или чем-то, понятная не всем), сарказм (насмешка, носящая уничижительный характер и понятная всем). Перед вами отрывок из классического произведения.

1.1

Так жил и Михаил Власов, слесарь, волосатый, угрюмый, с маленькими глазами; они смотрели из-под густых бровей подозрительно, с нехорошей усмешкой. Лучший слесарь на фабрике и первый силач в слободке, он держался с начальством грубо и поэтому зарабатывал мало, каждый праздник кого-нибудь избивал, и все его не любили, боялись. Его тоже пробовали бить, но безуспешно. Когда Власов видел, что на него идут люди, он хватал в руки камень, доску, кусок железа и, широко расставив ноги, молча ожидал врагов. Лицо его, заросшее от глаз до шеи чёрной бородой, и волосатые руки внушали всем страх. Особенно боялись его глаз, – маленькие, острые, они сверлили людей, точно стальные буравчики, и каждый, кто встречался с их взглядом, чувствовал перед собой дикую силу, недоступную страху, готовую бить беспощадно.

– Ну, расходись, сволочь! – глухо говорил он. Сквозь густые волосы на его лице сверкали крупные жёлтые зубы. Люди расходились, ругая его трусливо воющей руганью.

– Сволочь! – кратко говорил он вслед им, и глаза его блестели острой, как шило, усмешкой. Потом, держа голову вызывающе прямо, он шёл следом за ними и вызывал:

– Ну, – кто смерти хочет?

Никто не хотел.

Говорил он мало, и «сволочь» – было его любимое слово. Им он называл начальство фабрики и полицию, с ним он обращался к жене:

– Ты, сволочь, не видишь – штаны разорвались!

Когда Павлу, сыну его, было четырнадцать лет, Власову захотелось оттаскать его за волосы. Но Павел взял в руки тяжёлый молоток и кратко сказал:

– Не тронь…

– Чего? – спросил отец, надвигаясь на высокую, тонкую фигуру сына, как тень на берёзу.

– Будет! – сказал Павел. – Больше я не дамся…

И взмахнул молотком.

Отец посмотрел на него, спрятал за спину мохнатые руки и, усмехаясь, проговорил:

– Ладно.

Потом, тяжело вздохнув, добавил:

– Эх ты, сволочь…

Вскоре после этого он сказал жене:

– Денег у меня больше не спрашивай, тебя Пашка прокормит…

1. **Укажите название текста, из которого взят отрывок.**
2. **Укажите автора текста.**

1.2

Литературный журнал, недоброжелательно относящийся к автору, поручил вам написать текст, в котором должно быть высмеяно произведение, приведённое выше. Предметом осмеяния могут стать на ваш выбор один или несколько персонажей, проблематика, идея, сюжет, стилистика, композиция произведения. Ваш текст может иметь форму памфлета или пародии. Ваше сочинение не должно быть похоже на критическую статью. Объём текста должен составлять не менее 350 слов. Работа объёмом менее **95** слов будет автоматически оценена в **0** баллов.

Озаглавьте ваш текст (заглавие должно содержать прямую отсылку к оригинальному произведению). Дайте подзаголовок, указав, к какой форме комического вы прибегаете (юмор, сатира, ирония, сарказм), и определив жанр (пародия, памфлет). Например: саркастический памфлет или юмористическая пародия.

Задание 2 ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – **350–400** слов. Работа объёмом менее **145** слов будет автоматически оценена в **0** баллов.

ВАРИАНТ I

Юрий Валентинович Трифонов (1925-1981)

Путешествие

Однажды в апреле я вдруг понял, что меня может спасти только одно: путешествие. Надо было уехать. Всё равно куда, всё равно как, самолётом, пароходом, на лошади, на самосвале – уехать немедленно. Почему мне стало так худо – это другая история, рассказывать её долго и ни к чему. Просто вдруг на рассвете, когда меня томила бессонница и стеснение в груди, врачи объясняли это вегетативным неврозом, но я-то знал, что дело в чём-то другом, может быть в том, что где-то бродит гроза, что волны тёплого воздуха подошли уже к Подольску и движутся на Москву, – мне почудилось, что я задыхаюсь, что мой мозг обескровел, что если я не вырвусь завтра же из этой клетки из сухой штукатурки, обоев с абстрактным рисунком, лакированных книжных полок, переплётов, творожников, жидкого чая, газет, разговоров, звонков, квитанций, болезней, обид, надежд, усталости, милых лиц, – я умру.

Трудно объяснить, что делается с человеком на рассвете, в апреле, когда открытая рама слегка раскачивается от ветра и скребёт по подоконнику сухой неотодранной бумажной полосой.

Пришёл день. Он был сер. Лишь немного погодя оказалось, что он синь и безоблачен. Первый раз в этом году я вышел без шапки на улицу и отправился в редакцию одной газеты, чтобы взять командировку и немедленно уехать. Лю-

ди из этой газеты однажды предлагали мне командировку, но сейчас они не могли понять, чего я хочу. Заведующий промышленным отделом, маленький болезненный человечек в рубашке джерси, рассказывал о том, что в Соликамске и Кондопоге полным ходом разворачивается стройка громадных комбинатов по производству бумаги, а в Тюменской области открыты новые месторождения нефти. Ещё более интересные дела творятся в Иркутской области, где создаётся новый промышленный бассейн. А если говорить о большой химии, сказал он, то нельзя не упомянуть о Навоинском химическом комбинате, где досрочно введены в строй корпуса аммиака, синтеза и конверсии.

Я сказал, что все это для меня одинаково необыкновенно интересно. Но именно поэтому мне трудно сделать выбор. Я намекнул, что мне хотелось бы познакомиться с какими-нибудь конфликтами, страстями, производственными драмами, в которых скрывались бы судьбы людей и разные точки зрения на жизнь.

– Это вы найдёте где угодно, – быстро проговорил заведующий отделом. На его лице застыло странное двойное выражение: скорби и надменности одновременно. И, разговаривая со мной, он всё время катал пальцами по столу заграничный шариковый карандаш.

Я поблагодарил его и вышел, сказав, что подумаю. Молодой человек, молча присутствовавший при нашем разговоре, вышел вместе со мной в коридор. Мы стали спускаться по лестнице.

– Вам нужны впечатления? – спросил молодой человек неожиданно.

– Ну конечно! – сказал я. – В том-то и дело, что мне нужны впечатления, черт бы их побрал! Я остался совершенно без впечатлений. Это как-то глупо звучит, но это так.

Мне было немного стыдно: я как будто признавался в том, что оказался без денег, и просил в долг. Но молодой человек искренне хотел помочь, я это чувствовал.

– Если вам нужны впечатления, – сказал он, – тогда вовсе не обязательно ехать куда-то далеко, в Тюмень или в Иркутск. Поезжайте поблизости, в Курск, в Липецк, там не менее интересно, чем в Сибири, ей-богу.

– Вы так думаете? – спросил я, втайне обрадовавшись. Он высказал мои собственные мысли. – Конечно, вы правы: дело не в километрах...

Когда я вышел на улицу, солнечный полдень был в разгаре. Перед входом в кинотеатр стояла толпа. Я прошёл через толпу, повернул налево, миновал памятник, возле которого всегда стояло несколько провинциалов в длинных пальто с фотоаппаратами в руках, и пошёл вниз по широкой улице. Навстречу мне двигался густой и медленный, весенний поток людей. Я всматривался в лица, бесконечно возникавшие передо мной и исчезавшие сзади, за спиной, исчезавшие бесследно, для того чтобы никогда больше не появиться в моей жизни, и думал: зачем ехать в Курск или в Липецк, когда я как следует не знаю Подмосковья. Я никогда не был в Наро-Фоминске. Не знаю, что такое Мытищи. Да и в самой Москве есть улицы и районы совершенно мне неведомые.

Через полчаса я вышел из троллейбуса возле своего дома. На углу Второй Песчаной, где находится диетический «Гастроном», я остановился и поглядел кругом: я увидел сквер с нагими деревьями, сырые ветви которых искрились на солнце. На скамейках, расставленных кольцом вокруг фонтана, сидели, подставив солнцу лица, десятка четыре пенсионеров, стариков и старух. Они сидели тесно, по пятеро на скамейке. Я не знал никого из них. Солнце ласкало их старую, в мешках и складках кожу. Некоторые из стариков улыбались, лица других казались окаменевшими и тупыми, некоторые дремали.

Постояв немного, я направился к своему подъезду, сел в лифт и поехал на шестой этаж. Там, на шестом этаже, из квартиры напротив вышел Дашенькин, мой сосед. Он молча протянул мне свою руку, всегда немного дрожащую, и побежал вниз по лестнице. Он всегда торопился, ходил сутуля плечи, и в глазах его тлела какая-то безумная озабоченность. Он работал жестянщиком в трамвайном депо. Его соседка по коммунальной квартире считала его сумасшедшим

и написала заявление в психдиспансер с требованием, чтобы его забрали. Несколько дней назад она пришла ко мне и попросила тоже написать заявление или хотя бы подтвердить, что Дашенькин изводит свою жену и дочку, ученицу третьего класса, нескончаемыми скандалами. Шум скандалов и даже драк доносился в мою квартиру часто, иногда соседка, её муж и Дашенькин с криками выскакивали на лестничную площадку, что я и подтвердил. Потом спохватился: зачем я это сделал? Ведь человека могут действительно забрать в больницу. В тот же вечер я пошёл к соседке и попросил вернуть заявление, мной подписанное, но она сказала, что уже отослала его. Она успокоила меня: Дашенькина не заберут, только попугают. По-видимому, заявление ещё не начало действовать, ибо Дашенькин пожал мне руку с чувством, как доброму другу. Я слышал, как он, стуча тяжёлыми башмаками, бежал по ступеням вниз и где-то на четвёртом или на третьем этаже громко откашлялся и харкнул на лестницу. У него никогда не хватало терпения добежать до улицы.

Я открыл дверь своим ключом и вошёл в квартиру. На кухне жарили навагу. Внизу, на пятом этаже, где жила какая-то громадная семья, человек десять, кто-то играл на рояле. В зеркале мелькнуло на мгновенье серое, чужое лицо: я подумал о том, как я мало себя знаю.

1969

ВАРИАНТ II

Леонид Николаевич Мартынов (1905–1980)

Что-то
Новое в мире.
Человечеству хочется песен.
Люди мыслят о лютне, о лире.
Мир без песен
Неинтересен.

Ветер,
Ветви,
Весенняя сырость,
И черны, как истлевший папирус,
Прошлогодние травы.
Человечеству хочется песен.
Люди правы.

И иду я
По этому миру.
Я хочу отыскать эту лиру,
Или – как там зовётся он ныне –
Инструмент для прикосновенья
Пальцев, трепетных от вдохновенья.

Города и пустыни,
Шум, подобный прибою морскому...
Песен хочется роду людскому.

Вот они, эти струны,
Будто медны и будто чугунны,
Проводов телефонных не тоньше
И не толще, должно быть.
Умоляют:
«О, тронь же!»

Но ещё не успел я потрогать –
Слышу гул отдалённый,
Будто где-то в дали туманной
За дрожащей мембраной
Выпрямляется раб обнажённый,
Исцеляется прокажённый,

Воскресает невинно казнённый,
Что случилось, не может представить:
«Это я! – говорит. – Это я ведь!»

На деревьях рождаются листья,
Из щетины рождаются кисти,
Холст растрескивается с хрустом,
И смывается всякая плесень...
Дело пахнет искусством.
Человечеству хочется песен.

1954